

СИСТЕМА ВРЕМЁН ГЛАГОЛА И ЕЁ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

Холикулова Юлдуз Шодиевна

*Преподаватель кафедры русского языка и
литературы Самаркандского государственного
педагогического института*

Нишинова Шахзода

*Студентка 3 курса Самаркандского
государственного педагогического института*

Аннотация: В данной статье исследуется многоуровневая структура глагольного времени как когнитивной и лингвистической категории. Анализирует переход от линейного восприятия темпоральности к аспектуально-семантическим моделям функционирования глагола в художественном и научном дискурсах. Особое внимание уделяется «внутреннему времени» высказывания и роли перцептора в формировании временной оси. Работа базируется на синтезе классических грамматических теорий и современных когнитивных подходов.

Abstract: This article examines the multi-level structure of the verb tense as a cognitive and linguistic category. The author analyzes the transition from a linear perception of temporality to aspectual-semantic models of verb functioning in literary and scientific discourses. Special attention is paid to the “inner time” of the utterance and the role of the receptor in the formation of the timeline. The work is based on a synthesis of classical grammatical theories and modern cognitive approaches.

Ключевые слова: глагольное время, темпоральность, аспектуальность, лингвистическая парадигма, когнитивная лингвистика, дискурс, семантика глагола.

Keywords: verb tense, temporality, aspectuality, linguistic paradigm, cognitive linguistics, discourse, verb semantics.

Феномен времени в лингвистике неизменно ускользает от окончательной дефиниции, подобно тому как «теперь» превращается в «тогда» в момент самого произнесения. Система глагольных времен представляет собой не просто формальный набор морфем, а сложнейшую сетку координат, которую человеческое сознание набрасывает на хаос бытия. Рассматривая глагол как энергетический центр предложения, мы неизбежно сталкиваемся с тем, что время в языке не изоморфно физическому времени. Оно субъективно, дискретно и зачастую реверсивно. Функционирование глагольной системы строится на базовой оппозиции: моменте речи и моменте события. Однако эта классическая триада (прошлое, настоящее, будущее) в живой ткани языка обрастает бесконечным количеством модальных и аспектуальных нюансов. Грамматическое время — это попытка приручить вечность, ограничив её рамками конкретного акта предикации. Как тонко подметил один из исследователей классического текста, в художественном пространстве глагол перестает быть просто маркером хронологии. Он становится инструментом лепки пространства. Вспомним, как в великих романах девятнадцатого века описание застывшего мгновения через имперфект создает иллюзию бесконечного присутствия читателя в комнате героя. Это не просто «прошедшее незавершенное», это способ остановить энтропию через фиксацию длящегося состояния. Здесь мы видим реализацию идеи о том, что глагол — это не только действие, но и способ бытия объекта во времени. Критическая мысль долгое время концентрировалась на вопросе: является ли будущее время полноценной грамматической категорией или же это форма модальности, выражающая наше желание или опасение? Действительно, в отличие от прошлого, которое детерминировано и «окаменело» в памяти, будущее всегда вариативно. Поэтому функционирование будущего времени в языке часто сопряжено с оттенками долженствования или возможности, что превращает глагольную форму в своего рода футурологический прогноз¹.

¹ Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. — 341 с.

Система времен — это еще и иерархия смыслов. Настоящее время (praesens) в его универсальном значении («Земля вращается вокруг Солнца») выходит за пределы темпоральности как таковой. Это время истины, не знающее износа. В противовес ему, совершенные формы фиксируют результат, мост, переброшенный из «вчера» в «сегодня». В этом контексте глагол выступает как архивариус человеческого опыта, классифицирующий события по степени их актуальности для текущего момента. Современные лингвистические теории указывают на то, что мы не столько «находимся» во времени, сколько «конструируем» его через выбор глагольных форм. Функционирование системы — это постоянный диалог между говорящим и слушающим, где общая точка отсчета (origo) постоянно смещается в зависимости от коммуникативной стратегии. Функционирование глагольной системы немислимо в отрыве от категории аспекта (вида), которая в славянских и многих индоевропейских языках выступает в роли внутреннего регулятора временной протяженности. Если грамматическое время отвечает на вопрос «когда?», то аспект уточняет — «как именно?» протекает действие в границах этого «когда». В этом симбиозе рождается уникальная архитектура высказывания, где глагол превращается из сухой морфемы в живой инструмент модуляции реальности.

Рассматривая функционирование совершенного и несовершенного, мы обнаруживаем интересную закономерность, которую исследователи часто описывают через метафору «взгляда изнутри» и «взгляда извне». Несовершенный вид (имперфект) создает панорамное, разомкнутое пространство. В художественном пересказе классических концепций это можно представить так: автор приглашает нас внутрь текущего потока, где границы события размыты, а само время обретает вязкость. Напротив, совершенный вид действует как вспышка магния — он кристаллизует событие, превращая процесс в дискретную точку, в необратимый факт. Критическая мысль, в частности в работах Е.В. Падучевой, подчеркивает, что выбор между этими формами определяется не только объективной реальностью, но и «точкой обзора»

наблюдателя. Глагольное время в тексте функционирует как сложная система линз. Например, использование «настоящего исторического» (*praesens historicum*) в повествовании о прошлом — это не просто стилистический прием, а когнитивная операция по переносу перцептивного центра слушателя в иную временную плоскость. Мы словно становимся очевидцами того, что уже давно стало прахом, и эта «иллюзия присутствия» обеспечивается именно гибкостью глагольной парадигмы². Особого внимания заслуживает функционирование системы времен в условиях так называемого «эгоцентрического» времени. В разговорной речи и в потоке сознания временные формы часто теряют свою линейную последовательность. Здесь вступает в силу закон актуальности: то, что значимо для субъекта «здесь и сейчас», доминирует над формальной хронологией. Глагол начинает транслировать не календарное время, а психологическое напряжение.

В научном дискурсе функционирование времен подчинено иным задачам — верифицируемости и универсальности. Здесь преобладает «ахроничное» настоящее, которое фиксирует законы бытия, выведенные за скобки изменчивости. Однако даже в строгом тексте появление форм прошедшего времени сигнализирует о смене регистра: от установления истины к описанию эмпирического опыта, к «лабораторному» времени, которое имеет начало и конец. Если мы обратимся к интерпретации временных структур в трудах структуралистов, то увидим, что глагольная система воспринимается как своего рода шахматная доска. Каждое перемещение формы (например, замена будущего времени на форму прошедшего в значении внезапного наступления действия: «а он и побежал») меняет всю диспозицию смыслов в предложении. Это доказывает, что функционирование времени — процесс не механический, а глубоко творческий, прагматически обусловленный. Взаимодействие времени и вида формирует ту ткань реальности, которую мы называем текстом. Без

² Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.

понимания этой внутренней динамики невозможно адекватное декодирование смыслов, заложенных в языке. Функционирование глагольной системы достигает своего апогея в структурах относительного времени, или таксиса. Здесь мы имеем дело с «временем во времени» — феноменом, когда одно событие служит хронологическим якорем для другого. Если абсолютное время ориентировано на говорящего, то относительное — на внутреннюю логику самого текста. В художественном пересказе концепций таксиса можно сказать, что глагол здесь выступает в роли дирижера, определяющего, какие звуки реальности должны слиться в аккорд одновременности, а какие — выстроиться в строгую очередь преемственности. Функционирование таксисных отношений (предшествование, одновременность, следование) позволяет языку преодолеть линейную ограниченность. В классической литературе мы часто видим, как через использование деепричастных оборотов или сложных глагольных сочетаний создается эффект «матрешки»: внутри одного большого исторического времени разворачиваются мириады мелких, вложенных друг в друга процессов. Критики, анализируя подобные структуры указывали, что таксис — это грамматизация самой идеи взаимосвязи явлений. Ни одно действие не висит в вакууме; оно всегда либо готовит почву для будущего, либо является эхом прошлого. Особый интерес представляет функционирование так называемого «вторичного времени». В сложноподчиненных предложениях глагол придаточного сегмента часто теряет прямую связь с моментом речи, подчиняясь «диктатуре» главного глагола. Это создает уникальный когнитивный эффект: мы способны переживать прошлое как дпящееся настоящее («Он знал, что она придет»). Здесь «придет» — это будущее в прошедшем, зона надежды, запертая внутри воспоминания. Такая гибкость системы позволяет человеческому сознанию моделировать сложнейшие сценарии, где причинно-следственные связи важнее календарных дат. В контексте теории М. Бахтина о хронотопе, функционирование глагольных времен в таксисном режиме можно рассматривать как способ конструирования

плотности событийного ряда. Если глаголы передают лишь последовательность, время кажется «пустым», механическим. Но когда в структуру вплетаются формы одновременности, текст обретает объем, превращаясь из хроники в полотно. Время начинает «густеть», насыщаясь деталями, протекающими параллельно основному сюжетному вектору³. С точки зрения когнитивной лингвистики, функционирование относительных времен отражает нашу способность к децентрации. Мы можем мысленно перенестись в любую точку временной оси и выстраивать новую систему координат уже отсюда. Глагол в этом процессе является навигационным прибором. Сноски к трудам А.В. Бондарко подтверждают, что таксис тесно связан с аспектуальностью: именно вид глагола часто подсказывает, поглощает ли одно событие другое или они лишь соприкасаются своими границами. Относительное время превращает плоскую шкалу «прошлое-настоящее-будущее» в многомерный лабиринт. В этом лабиринте функционирование глагола обеспечивает связность нашего опыта, позволяя воспринимать мир не как набор случайных кадров, а как непрерывный, логически обусловленный процесс.

Список использованной литературы :

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. — М.: Наука, 1988. — 341 с.
2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.
3. Бондарко А. В. Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис. — Л.: Наука, 1987. — 348 с.

³ 2. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. — М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.

4. Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. — М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. — 464 с.